

ДИАНА
РАХМАНОВА

МАМА
из другого
МИРА

• ТОМ II •

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р27

Иллюстрация *И. Косулиной*

Рахманова, Диана.

Р27 Мама из другого мира. Том 2 / Диана Рахманова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-244245-2

Получив после смерти второй шанс в теле управляющей детским приютом, Лиза сумела освоиться в новой роли, найти единомышленников и даже сорвать планы тех, кто решил нажиться на её подопечных. Теперь Лизе предстоит выяснить, кто из воспитанников помог похитителям, и главное — что делать с ребёнком, которого так бессовестно использовали негодяи?

А впереди ещё море работы: совладать с магическим даром, восстановить разрушенный приют, пройти проверку столичной комиссии... Попутно разобраться с проснувшимся у мальчишек даром змееловов, подготовить девочек к кулинарному состязанию и не рассориться окончательно с деревенскими. Список дел растёт на глазах, но Лиза не привыкла сдаваться. Тем более, что теперь у неё в помощниках сильный эмпат, столичные маги в отпуске и даже оборотень, который слишком уж недвусмысленно проявляет к Лизе интерес.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рахманова Д., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-244245-2

Глава 1

ПРОБУЖДЕНИЕ ПОСЛЕ БУРИ

После той ночи, когда Матильда и Дерек едва не погубили нас, само возвращение в сознание казалось чудом. Разбудил меня сухой шелест бумаги. Я попыталась понять, откуда идёт звук, но стоило повернуть голову, как её пронзила такая боль, что я невольно застонала. Казалось, ныло всё: от висков до затылка, будто кто-то прошёлся молотом по каждой извилине.

Шелест страниц мгновенно стих, и в поле зрения появился смутно знакомый мужчина.

— Наконец-то ты очнулась, — едва слышно произнёс он, опускаясь на табурет у кровати.

На миг меня кольнуло странное дежавю: совсем недавно в таком же положении возле меня сидел Флин.

— Как ты себя чувствуешь?

— Голова болит невыносимо, — ответила я охрипшим голосом.

Я и сама едва разобрала собственные слова, но собеседник, кажется, понял. Через несколько мгновений он протянул мне сосуд с длинным носиком, похожий на поильник для лежачих боль-

ных. Я сумела взять его сама и сделать несколько жадных глотков. Уже одно это казалось добрым знаком.

Осторожно, стараясь не шевелиться лишний раз, я осмотрелась. Больничную палату трудно с чем-либо спутать, даже если она просторная и лишена привычного земного оборудования. Здесь стоял стойкий запах лекарств, а в воздухе ощущался тот едва уловимый холодок казённого порядка, который одинаков в любом мире.

И здесь же был Флин. Он крепко спал на соседней кровати, прямо в одежде, свернувшись почти по-детски и сжав ладони между коленями. Щёки у него запали, нос заострился, а и без того серые волосы казались тусклыми и безжизненными.

Быть может, я преувеличивала, но при виде его усталого, измученного лица мне стало не по себе. Интуиция подсказывала: он снова выложился до последнего, спасая меня. Я слишком хорошо помнила намерения Дерека и понимала, что, по замыслу Матильды, живой мне остаться не полагалось. При мысли о Флине в душе поднималось сложное, трудноопределимое чувство, и дело было уже не только в благодарности.

— В прошлую нашу встречу я не представился, — нарушил моё молчание собеседник. — Я Веррес фон Риштар, дядя Эмилии.

Я внимательно посмотрела на него.

— Не ожидала увидеть вас здесь, — призналась честно. — Что привело вас ко мне?

— Вероятно, то, что я задолжал тебе извинения. Я повёл себя как глупец, а ты из-за меня прошла

через этот кошмар. Если бы я тогда не поддался чувствам и сохранил обычную для себя рассудительность, всего этого могло бы не случиться.

Я едва заметно покачала головой, тут же поморщившись от боли.

— Вы не могли знать, что Матильда решится на такое. Никто не мог. И наше общение с вами ничего бы не изменило. Лучше скажите: как я здесь оказалась? И где мы сейчас? Дети с нами?

Веррес заметно расслабился, явно благодарный за смену темы.

— Дети целы, накормлены и теперь отдыхают в общей палате, — ответил он с мягкой улыбкой. — Правда, успели изрядно встревожить персонал: никто из них не желает расставаться с остальными даже на минуту. Говорят, и в уборную ходят по двое.

Это было совершенно неудивительно. После пережитого странно было бы ждать иного. Скорее всего, именно теперь они и впрямь станут одной командой.

— Дерек и Офелия фон Тризер арестованы, — продолжил Веррес.

— Офелия? — сразу переспросила я.

— Таково настоящее имя Матильды, — пояснил он. — Если коротко, положение таково: оба находятся под следствием. Расследование уже выявило связи с несколькими очень влиятельными людьми, так что быстрым оно не будет. Но на этот раз замять дело не удастся. Все виновные предстанут перед судом.

— Это хорошо. А что с Дерексом?

— Что именно тебя интересует?

— Мне показалось... он не вполне в здравом уме.

— Ты верно это заметила. С ним сейчас работают менталисты. После этого дар запечатают и, скорее всего, отправят его в закрытое специальное учреждение. Он больше никому не сможет причинить вред — ни другим, ни самому себе.

Веррес умолк, давая мне время осмыслить услышанное. С каждым его словом напряжение, всё это время сжимавшее меня изнутри, понемногу слабело. Неужели кошмар и впрямь закончился? И Матильда, и обезумевший Дерек, едва не лишивший меня разума...

— А где Мейала? — вспомнила я, и от нового всплеска тревоги перехватило дыхание. Матильда собиралась уйти, прихватив с собой свой «ценный товар».

— Спит.

Я закрыла глаза. Ещё мгновение назад было тяжело дышать от тревоги, а теперь меня захлестнула такая волна облегчения, что стало трудно рассуждать здраво.

Всё действительно осталось позади.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— За что?

— За то, что спасли нас. Это ведь ваш голос я слышала в доме?

Некоторое время фон Риштар молчал, внимательно вглядываясь в меня.

Я тоже смотрела на него, и увиденное мне нравилось. Передо мной сидел импозантный мужчина лет пятидесяти, крепкий, хорошо сложенный. На лице его лежала печать давней усталости — той,

что рождается не от одной бессонной ночи, а от многих лет непрерывной работы. Никаким аристократизмом такую не скрыть. Волосы цвета соли с перцем упрямо вились, словно жили собственной жизнью. А серые глаза были удивительно выразительными: в них таились и усталость, и ирония, и глубокая, не до конца прожитая печаль. Весёлые искры в глубине зрачков и едва заметная улыбка ясно давали понять: мои мысли ему известны. И, похоже, это его забавляло.

Неприятное чувство — понимать, что твои мысли тебе не принадлежат. Словно живёшь под прозрачным колпаком. Нужно будет непременно раздобыть амулет или артефакт, закрывающий разум, иначе все мои знания и идеи рано или поздно разлетятся по свету быстрее, чем я успею опомниться.

— Да, это я вытащил вас из разрушающегося дома, — наконец ответил Веррес. — Не думал, что ты запомнишь. Когда я вас нашёл, ты уже была без сознания.

Очевидно, разум просто не выдержал нагрузки и отключился. В тот момент меня захлёстывали воспоминания из жизни Эмилии, смешиваясь с картинами моего собственного прошлого. Теперь же осталась только головная боль, мешавшая думать. И всё равно в случившееся верилось с трудом.

— Сколько времени прошло?

— Три дня.

— Три дня? — Я резко попыталась сесть и тут же вскрикнула: тело мгновенно напомнило, что покой мне пока необходим. — Нам нужно домой.

— И ещё несколько дней ты проведёшь под наблюдением специалистов, — спокойно возразил Веррес. — Но не тревожься: в приюте всё в порядке. Воспитателей предупредили, что вас нашли и что опасность миновала, а ваше отсутствие объяснили участием в расследовании как свидетелей и потерпевших. Кроме того, я отправил туда своих людей для охраны. Правда, твои воспитанники быстро нашли себе развлечение: следят за охраной, устраивают мелкие проделки и изо всех сил доводят командира.

Он тихо усмехнулся.

— Хотя бы связаться с ними можно?

— Не сейчас. Позже, когда Флин разрешит, — пожалуйста.

Лишь теперь я поняла, почему всё это время он говорил шёпотом и даже смех старался приглушить ладонью. Знал, что любой резкий звук отзовется во мне новой болью, и старался уберечь меня.

— Я хочу объяснить, почему тогда не принял тебя, — вновь заговорил Веррес, затрагивая тему, которой мне сейчас хотелось избежать.

Я была совсем не готова к беседам, выворачивающим душу наизнанку.

— Дело вовсе не в тебе. Это я повёл себя недостойно. Понимаешь, Эмилия была для меня не просто племянницей. Я любил её как родную дочь, которой у меня никогда не было. Она — незаконно рождённая дочь моего сводного младшего брата. Лишь по настоянию главы семьи ей позволили носить имя рода. Девочку воспитывали в имении как урождённую Риштар, но относились к ней со-

всем иначе. Мачеха была женщиной жестокой и считала, что всё, что достаётся Эмилии, отнимается у её законных детей. К тому же сама девочка была для неё живым напоминанием о неверности мужа. Материнской любви Эмилия не знала. Лишь наши родители принимали её как родную внучку. Они дали ей хорошее воспитание и магическое образование, хотя резерв у неё был невелик. За эти годы я к ней очень привязался. Она была доброй, светлой, всей душой тянулась ко мне. Горе ослепило меня. Твоё появление выбило меня из колеи так сильно, что я даже работать нормально не мог. Видеть её тело и понимать, что в нём живёт другой человек, оказалось невыносимо тяжело. Мы ведь даже не простились. Теперь мне остаётся только верить, что боги уготовили ей добрую судьбу в твоём мире.

— Мой мир прекрасен, хотя и совсем не похож на Араш, — тихо ответила я, накрывая ладонью его сцепленные руки. — У нас нет королей, и происхождение ребёнка никого не волнует. Магии тоже нет, так что Эмилия не будет чувствовать себя ущемлённой. А если сумеет разумно распорядиться моими знаниями, устроится очень неплохо. Я была обеспеченной женщиной. И пусть я старше её по возрасту, моё тело — здоровое и ухоженное — ей не уступает. Думаю, ей будет там хорошо.

Веррес молчал, обдумывая мои слова. А я вдруг с острой ясностью поняла, как сильно тоскую по родному миру.

Глядя в белый потолок, я вспоминала свою прежнюю, налаженную жизнь — успешную карье-

ру, хороших друзей, прочное положение. Там мне не приходилось наспех решать десятки чужих и собственных проблем, в которых я разбиралась почти на ощупь, надеясь лишь на удачу. Там со мной был только Димка, а теперь за моей спиной — четыре десятка детей со сложной судьбой. Прошло совсем немного времени с тех пор, как я оказалась в этом мире, а я уже успела устать так, будто прожила здесь годы; дважды побывала на краю смерти, столкнулась с местной преступностью, коррупцией и человеческой жестокостью. Ни семьи, ни друзей.

По сути, рассчитывать я могла только на себя.

— Лизавета, давай попробуем выстроить наши отношения заново, — сказал Веррес. — Я виноват перед тобой и хочу это исправить. Ты умная женщина и понимаешь, что это нужно не только мне. Я не готов так просто отпустить Эми. Всё понимаю, но иначе мне будет казаться, что я предал и её, и самого себя. На это я не способен.

Я невольно задумалась: это его собственное решение или же ответ на мысли, которые он успел уловить?

— Мне бы этого тоже хотелось, — после паузы ответила я. — Но вы ведь понимаете, что я не ваша племянница. Вы будете видеть это в каждом моём жесте, в каждом слове, в каждом взгляде. Не уверена, что вам от этого станет легче. И да, для меня эти отношения тоже важны. Я и мои воспитанники нуждаемся в помощи и поддержке. Иметь рядом человека, которому со временем можно будет доверять, в моей ситуации — редкая удача. В этом мире

лишь немногие знают, кто я на самом деле, и порой мне попросту не к кому обратиться за советом.

— Легче, возможно, и не станет, — признал он. — Но я хотя бы привыкну к этой мысли и научусь жить с ней. И мне хотелось бы больше узнать о мире, в котором теперь оказалась Эмилия.

— Значит, попробуем?

— Посмотрим, что из этого выйдет, — кивнул он.

— Хорошо, — согласилась я и тут же поморщилась. — Но сначала нужно сделать что-нибудь с этой головной болью. Такое чувство, будто у меня в голове шевелится клубок змей. У вас найдётся какое-нибудь лекарство?

— Сможешь ещё немного потерпеть? — участливо спросил Веррес. — Флину нужно поспать хотя бы пару часов. А пока выпей это зелье. Оно не снимет все симптомы, но станет легче. Этот гений запретил давать тебе что-либо другое.

Он чуть отклонился назад, дотянулся до стоявшего на тумбочке держателя с узкими склянками и протянул мне одну из них. Внутри плескалась желтоватая жидкость.

— Это Флин занимался моим лечением? Я помню, как Дерек пытался сорвать какие-то блоки в моей памяти. Было невыносимо больно. А потом словно прорвало плотину воспоминаний, и я перестала различать, где реальность, а где нет.

Пока я, морщась, пила неприятное на вкус зелье, Веррес коротко пересказал мне подробности того страшного вечера.

— И даже в таком состоянии ты сумела найти запертых детей, — с искренним восхищением ска-

зал он, забирая у меня пустую склянку. — Когда я вытаскивал вас, уже решил, что тебе всё-таки выжгли разум: в бреду ты говорила такое, что впору было испугаться. В какой-то момент я даже подумал, что ко мне вернулась моя Эми, но дальше твоя речь быстро вернула меня с небес на землю.

— Мне жаль, — тихо сказала я. — Я не стремилась оказаться здесь, Веррес. Можно мне так к тебе обращаться?

— Разумеется, — чуть улыбнулся он.

— Тогда договорились. Наедине я Лиза, а для всех остальных — Эмилия. И всё же, что с Флином? Он выглядит совершенно измождённым.

Я снова посмотрела на спящего мужчину. За весь разговор он ни разу не пошевелился.

— Он истощил себя до предела во время поисков, — ответил Веррес. — Флин — сильнейший менталист из всех, кого я знаю, но Дерек... это нечто из ряда вон выходящее. Жаль, когда столь редкий дар достаётся человеку, не способному обратить его во благо. Флин сдерживал его натиск почти десять минут — ровно столько понадобилось опытному магу, чтобы наложить на этого безумца удерживающее заклинание. А потом возникла новая проблема: несколько часов Флин не позволял твоему сознанию сорваться в безумие, пока команда менталистов искала способ спасти твой разум.

— Дерек сильно мне навредил?

— Он грубо сорвал блоки с памяти Эмилии. Твоё сознание не было готово к такому потоку воспоминаний, так что ты вполне могла стать...

— Слабоумной? — закончила я за него.

— Скажем мягче: беспомощной, — ответил Веррес. — Наши специалисты до сих пор не могут прийти в себя от того, что увидели в твоих мыслях. А когда поняли, откуда взялись такие блоки... Скажем так, мне не раз пришлось призывать их к порядку и в конце концов взять с них клятву молчания. Пока их удаётся сдерживать, ссылаясь на твоё состояние, но рано или поздно они явятся к тебе с сотней вопросов.

— Вот только времени на беседы мне и не хватает, — недовольно пробормотала я. — Домой нужно как можно скорее. Там и без того забот предостаточно.

— Думаешь, их остановит расстояние? — В его усмешке ясно читалось обратное.

Впору было застонать от бессилия, но я решила сразу обозначить границы.

— Тогда предупредите их: тех, кто станет мешать мне работать, я терпеть не стану.

Веррес рассмеялся, без труда уловив намёк.

— Передам. Хотя не уверен, что это их отпугнёт.

— И прекрасно, — ответила я с широкой улыбкой. — Значит, стройка закончится в рекордные сроки. Зима уже близко, а успеть нужно многое. Информации у меня достаточно, чтобы расплачиваться за помощь долго и весьма дозированно. Вот только мне необходим артефакт, защищающий мысли. Если честно, мне уже надоело, что все, кому не лень, роются у меня в голове, словно имеют на это полное право.

— С этим тебе поможет Флин. Я до сих пор не понимаю, что именно он сделал, чтобы устранить

последствия вмешательства Дерекса. Это далеко за пределами моих знаний и возможностей. А теперь поспи ещё. Лекарство уже должно было подействовать.

— Да, действительно стало легче, — признала я.

— Вот и хорошо. А я пока поработаю: бумаг скопилось немало. — Веррес кивнул в сторону широкого подоконника, превращённого в импровизированный стол и заваленного документами. — Я прячусь здесь, в твоей палате: по крайней мере, сюда меня дёргают не так часто. Спи, девочка.

Я с облегчением перевернулась на бок, отвернулась к стене и плотнее укуталась в казённое одеяло. Сон и впрямь подступал быстро. Этот долгий разговор меня вымотал, и отдых был сейчас нужнее любых размышлений. О переменах я подумаю позже — когда боль утихнет окончательно и мысли снова станут ясными.

Глава 2

НА КРАЮ ПАМЯТИ

В следующий раз я проснулась как от толчка, не сразу поняв, что происходит. Открыв глаза, увидела глазающего на меня в упор Флина, и причина такого резкого пробуждения сразу стала ясна. Мой спаситель сидел в позе лотоса и без малейшего стеснения изучал меня, как редкую диковинку. И правильно, надо заметить, сидел: с вывернутыми вверх пятками, прикрытыми непомерно длинными штанинами. А широкая коротковатая рубаша бесформенно висела на его худощавой фигуре. Уличную одежду, в которой я видела его днём, сменила безликая серая больничная пижама.

Разумеется, Флин прекрасно уловил ход моих мыслей и откровенно забавлялся за мой счёт. Взъерошенный, сонный, в нелепом казённом облачении, он выглядел так трогательно, что я невольно улыбнулась. Некоторое время мы просто смотрели друг на друга и тихо посмеивались, точно двое взрослых людей, внезапно вернувшихся в детство.

Однако организм очень скоро напомнил о себе куда настойчивее любых чувств и размышлений.